

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ КОМПЛЕКСНОЙ ИСТОРИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ: ПОИСКИ МЕТОДОЛОГИИ

PROBLEMS OF CREATING A COMPREHENSIVE HISTORY OF THE BLACK SEA REGION: THE SEARCH FOR METHODOLOGY

**E. Kurenkova
M. Dvorkovaya
A. Larionov**

Summary: This article is devoted to the issues of long-term planning of regional historical research, as well as the development of strategies of Russian and international historical science in relation to the Black Sea region as a specific and interesting region for historians. Based on the review analysis, the authors put forward a thesis about the obvious insufficiency of comprehensive universal historical works on the Black Sea region and actualize the problems of the need to develop an adequate methodology for carrying out this kind of scientific research. In addition, there is a need to develop international scientific integration as an important condition for success in the implementation of such large-scale projects.

Keywords: Black Sea region, historical research, methodology, international cooperation.

Куренкова Евгения Алексеевна

*К.и.н., доцент, Московский государственный областной университет
ea.kurenkova@mgou.ru*

Дворковая Марина Васильевна

*К.и.н., доцент, Московский государственный областной университет
marinadvorkovaya@yandex.ru*

Ларионов Алексей Эдиславович

*К.и.н., доцент, Московский государственный областной университет
allar71@yandex.ru*

Аннотация: Настоящая статья посвящена вопросам перспективного планирования региональных исторических исследований, а также выработке стратегий российской и международной исторической науки в отношении Причерноморья как специфического и интересного для историков региона. На основе обзорного анализа авторы выдвигают тезис о явной недостаточности комплексных универсальных исторических работ о Причерноморье и актуализируют проблемы необходимости выработки адекватной методологии для осуществления такого рода научных исследований. Кроме того, говорится о необходимости развития международной научной интеграции как важного условия успеха при реализации такого рода масштабных проектов.

Ключевые слова: Причерноморье, исторические исследования, методология, международное сотрудничество.

Россия на всём протяжении своей истории была и остаётся черноморской державой. Либо *in vitro* в периоды государственной консолидации, либо *in potential* – в периоды политической дезинтеграции. Но даже в кризисные моменты историческая память о русском присутствии и влиянии в Циркум-Понтийском ареале являлась залогом того, что они однажды будут восстановлены. Уже в силу этого российская историография «обречена» на изучение истории народов и государств, в различные эпохи существовавших вокруг Чёрного моря. Возвращение Крыма в состав России весной 2014 года придало данному вектору научных исследований дополнительный импульс и актуальность, последняя имеет как академический, так и прикладной аспекты. Если в основе первого лежит потребность в обновлении и приросте научных знаний во имя постижения истины как высшего эпистемологического идеала [8], то прикладной аспект предполагает возможность использования знаний для решения задач оптимизации социального бытия в современности и обозримой перспективе.

В нашем случае к академической актуальности в широком смысле следует отнести необходимость углубленного понимания закономерностей исторической

эволюции Черноморского региона. Который является центром притяжения множества этносов, государственных интересов и политических амбиций на протяжении тысячелетий. Обеспечить прирост истинных/максимально приближенных к истине знаний об истории Причерноморья – что может быть достойней этой идеальной цели?!

Что же касается прикладной актуальности, то здесь всё гораздо более конкретно: для эффективного управления и использования ресурсов региона, для выстраивания соответствующих стратегий развития необходимо обладать максимально полным и структурированным знанием о его (региона) сложной истории и многообразном культурном наследии. В противном случае риск ошибочных решений и последующего ущерба от них возрастает многократно. Приняв к руководству исследованиями указанные пропозиции, необходимо определить с той методологией, которая может быть положена в основу историописания Причерноморья.

Следует отметить, что до настоящего времени нет целостного исследования, в котором бы описывалась и анализировалась история Черноморского региона

на всём протяжении в едином географическом охвате. Естественно, что такой гипотетический труд, буде он состоится, претендует даже не на фундаментальность, а на монументальность. И неизбежно потребует согласованных усилий целого сообщества (почти наверняка, международного) исследователей на протяжении длительного времени. Исходя из объективных реалий, признаем: едва ли следует ожидать появления такого труда в ближайшей перспективе. Но и априори отрицать принципиальную возможность не следует. Однако, трудно отыскать и более скромные по временному охвату работы, в которых бы комплексно описывалась история всего Черноморского региона в течение одной эпохи либо фиксированного отрезка исторического времени. Ярким и приятным исключением может служить сравнительно недавно изданная работа С.Ю. Сапрыкина «Древнее Причерноморье»[10], являющаяся своеобразной квинтэссенцией многолетних исследований учёного по истории Причерноморья в эпоху Античности. Вместе с тем, показательно, что большинство предшествующих работ выдающего учёного в большей степени тяготеют к Северному Причерноморью. Исследования других советских и российских авторов, их коллег в Грузии, на Украине и в Молдавии, Румынии и Болгарии, Турции и Греции чаще всего тяготеют к описанию истории тех секторов Черноморского региона, которые на момент исследований принадлежат данному государству. Получается, что наличная политическая дробность географического пространства детерминирует партикуляризм историописания всего Циркум-Понтийского региона. Иными словами, можно констатировать дисперсность как мета-методологический принцип исследований в области истории Причерноморья. Кратковременное объединение происходит только на международных конференциях и в коллективных сборниках трудов. Но это объединение, скорее, носит механический характер, когда авторы из разных стран представляют тот же самый секторный подход, но под одной обложкой. Перехода на уровень целостной методологии, основанной на холистическом принципе, к сожалению не происходит. Сказанное вовсе не имеет целью хоть в малой степени дезавуировать уважаемых коллег по научно-историческому сообществу. Скорее, речь идёт о некоей устоявшейся конвенционально поддерживаемой традиции исторических изысканий по истории Чёрного моря с прилегающими землями.

В качестве примера обратимся к двум вполне репрезентативным тематическим выпускам солидного научного журнала – «Вестника МГОУ», серия «История и политические науки». В 2019-2020 гг. заключительные выпуски журнала были целиком посвящены истории и археологии Причерноморья, нося звучное наименование – «Циркумпонтика». В общей сложности в двух номерах помещены 27 научных публикаций, принадлежащих перу 28 авторов из 7 стран[4] (Россия, Украина, Армения, Молдавия, Болгария, Румыния, Польша). Практически

все публикации носят археологический характер. Причём, абсолютное большинство посвящены локальной проблематике, то есть освещают древнюю историю Причерноморья в рамках работ конкретной археологической экспедиции в каком-либо определённом месте. Аналогичную, но более широкую по охвату проблем картину даёт нам специализированный журнал МГУ им. М.В. Ломоносова, но издаваемый в Севастополе – «Причерноморье: история, политика, культура»[7]. Археологические и собственно исторические публикации представлены на страницах журнала достаточно разнообразно в тематическом отношении, но концентрация на узких и локальных проблемах сохраняется. Хотя, исторические работы нередко опираются на большие координаты хронотопа. Например, в №16 (2016 год) сравнительно небольшая статья Е.В. Репиной посвящена обзору торговых отношений Боспорского царства на протяжении 3-х столетий – с VI по III вв. до н.э. включительно[9, с. 83-89]. То есть налицо макроисторический подход в отношении одной из причерноморских областей и даже с выходом за его пределы. В целом, за 13 лет выпуска данного журнала в трёх сериях («А», «Б» и «В», посвящённых, соответственно, Античности и Средневековью, Новой и Новейшей истории, современной политике и международным отношениям), точечные и локальные исследования явно доминируют, тогда как публикации широкого охвата, посвящённые одному из причерноморских субрегионов, либо связывающие историю Причерноморья с мировыми тенденциями исторического процесса, находятся в явном меньшинстве. Общее соотношение выглядит следующим образом: всего за период 2009-2020 гг. опубликовано 30 выпусков журнала по всем трём сериям с общим количеством статей в них – 493! Комплексный анализ содержания показывает, что прямо посвящены Причерноморскому региону или косвенно его затрагивают 350 статей или около 70% всех публикаций[7]. В то же время из этого количества только 102 статьи можно считать работами широкого охвата, когда анализ осуществляется на основании всего региона или, как минимум, одного из его субрегионов, либо же концептуальная модель статьи построена на рассмотрении вопросов истории и культуры Причерноморья на более широком фоне. При этом, статей широкого охвата гораздо больше в тех выпусках журнала, которые приближены к современности (новейшая история, международные отношения), тогда как относительно более древних эпох явственно преобладают точечные и локальные исследования.

Как видим, принцип сосредоточения научного дискурса в отдельных точках, максимум – в отдельных секторах Причерноморья сохраняется.

Для археологии это вполне естественно. Как правило, каждый учёный-археолог в течение длительного времени работает в пределах одной локации, год за годом реконструируя облик поселения и пополняя фонд

научных знаний путём постепенного накопления археологического материала и его скрупулёзной интерпретации. Иногда несколько археологических сезонов дают результат в виде одной интересной статьи. Каковой результат вполне нормален. Однако для истории концентрации внимания на отдельных точках/участках историко-географического пространства явно недостаточно. Необходимы более широкие и смелые обобщения исходного материала, выдвижение макроисторических теорий, на основе которых было бы возможно реконструировать прошлое крупных регионов, выявляя универсальные закономерности, которые бы позволяли объяснять и локальные исторические феномены. Но именно в этом случае встаёт вопрос о выработке/выборе такой методологии исторического исследования, которая была бы адекватна цели и задачам макроисторического описания обширного региона, центрированного вокруг внутреннего моря. Вновь повторимся – это наблюдение не есть умаление результатов многолетних научных трудов российских и зарубежных коллег. Равно как мы допускаем, что какие-то работы, опровергающие это наблюдение, нам могут быть неизвестны.

Разумеется, что всякому, кто в достаточной степени знаком с достижениями исторической науки за последние 50–70 лет, не может не вспомниться в этой связи имя и труды выдающегося представителя школы «Анналов» Фернана Броделя, чей трёхтомник «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» [3] принёс заслуженную славу автору. Не вдаваясь в неблагодарную задачу пересказа этого блистательного памятника по всеобщей истории раннего Нового времени, отметим только общую методологическую модель автора: она трёхчастна и в основе её лежит именно целостное средиземноморское пространство: моря, острова и прилегающие материковые побережья. Далее происходит постепенная и очень искусная надстройка исходного ландшафта антропогенными структурами: этносами, городскими и сельскими сообществами, реалиями повседневной жизни различных субрегионов Средиземноморья. И лишь в заключительной части своего труда Бродель описывает факты и процессы собственной политической истории избранной эпохи. Показательно, что каждый из трёх томов, будучи посвящён последовательно трём названным уровням (ландшафт-социум-политика) показывает нам различную изменчивость – от крайне низкой в отношении ландшафта до очень динамичной в случае с политическими структурами. Социальные структуры обладают средним уровнем изменчивости во времени, будучи гораздо более устойчивыми по сравнению с политическими отношениями, но намного менее стабильными в соотношении с природными ландшафтами Средиземноморья.

Из названных различий проистекает причинно-следственная связь и подчинённость в рамках исторического процесса. Логичным представляется вывод, что более

устойчивые структуры оказывают первенствующее влияние на менее устойчивые, оказывая влияние даже тогда, когда об этом специально не задумываются. В результате ландшафт Средиземноморья оказывает определяющее влияние на развитие обществ, а также на политические отношения; в свою очередь, социальные структуры, выказывая высокую резистентность попыткам волюнтаристского воздействия, могут существенно корректировать политические амбиции монархов и полководцев. Безусловно, общества могут воздействовать на природные ландшафты, как и политическая воля выступает в качестве генератора/катализатора изменчивости социума. Но это не отменяет факта константной иерархической подчинённости. Для сохранения аутентичности интерпретации позволим себе привести цитату, отражающую данную грань методологии Броделя: «Если мне будет позволено прибегнуть к сравнению, окружающий нас физический мир – горы, реки, ледники, побережья – подвергаются изменениям. Они столь медленны, что никому из нас не дано заметить их собственными глазами, если только мы не прибегаем к сравнениям с далёким прошлым или не исследуем их научными методами, выходящими за рамки нашего личного наблюдения. Жизнь наций, цивилизаций, психика или религиозное настроение внешне кажутся более подвижными, однако поколения людей сменяются, не слишком их затрагивая. Напротив, что не уменьшается, так это значение тех глубинных сил, которые входят в нашу жизнь и кроют мир по своей мере» [1, с. 29].

Нет сомнения, что Причерноморье обладает не менее богатой историей, чем его «старший брат» в лице Средиземноморья. И нет оснований отрицать влияние отмеченных Броделем объективных закономерностей в отношении другого приморского региона. По сути дела, мы имеем дело с методологическими универсалиями, игнорировать действие которых в исторических процессах большой длительности – означает просто исказить представления об истории, разрушая сам принцип научного её постижения.

Итак, планируя возможное масштабное исследование по истории Причерноморского региона, опираясь при этом на методологию Фернана Броделя, мы обязаны определиться с хронологическим масштабом: будет ли это обширный труд, охватывающий историй региона на всём его протяжении либо для анализа мы выберём какой-то конкретный период. В последнем случае удобство применения исследовательской матрицы французского историка резко повышается. Ведь и его исследование посвящено вполне определённой эпохе. Однако, сам же Бродель достаточно свободно обращается с темпоральными границами. Любой историк прекрасно осознаёт условность крайних датировок исторических периодов. В реальной жизни почти всегда происходит не столько резкий обрыв, сколько плавное перетекание одной эпохи в другую, при этом даже самые

архаические компоненты могут проявлять удивительную живучесть, сохраняя свои формы под наслоениями новых времён и даже воздействуя на них. Представляется, что именно данный феномен устойчивости идущих из глубокого прошлого компонентов является важным залогом принципиальной нелинейности исторического развития, когда даже самые стройные идеологические, политические и экономические доктрины, часто снабжённые огромными ресурсами и волевыми импульсами своих адептов демонстрируют свою ограниченность и приводят к совершенно иным результатам, нежели те, которых от них ожидали. Для поборников безудержного линейного прогресса данная закономерность есть досадная помеха, препятствующая движению вперёд, о чём ёмко высказался Карл Маркс: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»[5, с. 119]. По-иному видит ту же объективность Фернан Бродель: «...У возможного есть не только верхний предел; оно ограничено и снизу... Хлеб сеют так же, как сеяли всегда; маис сажают так же, как его сажали всегда... и по Красному морю плавают точно так же, как всегда плавали. Упорно отстаивающее своё присутствие прожорливое прошлое монотонно поглощает хрупкое время людей. И эта поверхность стагнирующей истории огромна...»[2, с. 39] В последнем случае мы видим не досаду и проклятия в адрес прошлого, но призыв его учитывать при социально-историческом анализе, равно как и лежащие в основе многих социальных структур ландшафтно-климатические константы. Иначе говоря, разные структурные компоненты истории Причерноморского региона обладают темпоральными ритмами различной скорости. И этот объективный факт необходимо учитывать при попытках комплексного историописания. Выше говорилось, что человеческие сообщества также могут воздействовать на природные ландшафты, подчас очень существенно. Примером может служить многовековая история лесов Крымского полуострова: «Издревле местный лес употреблялся на строительстве жилищ, выжигался под пашню. Ко времени колонизации Крыма греками и особенно римлянами потребность в строительной древесине в Средиземноморье была огромной, леса Ливана и Греции были уже истощены. Существуют вполне определенные свидетельства того, что вместе с зерном плыл Понтом Эвксинским в метрополи и крымский лес. В средние века вывоз леса усилился, особенно из восточной части южного бережья... из районов, подвластных генуэзцам»[6]. То есть в Крымском субрегионе Большого Причерноморья существовала многовековая традиция лесозаготовок, которая, в свою очередь связывала Крым с торговыми потоками Ближнего Востока и всей Античной цивилизации, а позднее – и средневековых обществ. И это только единичный пример! При более внимательном рассмотрении такого рода взаимосвязей и долго-

срочных тенденций отыщется множество.

Динамический факт (т.е. длящийся в историческом времени) высокой степени вовлечённости Причерноморья в более глобальные исторические процессы, взаимосвязь с другими регионами, которые обладают собственной, не менее богатой и разнообразной историей, ставит перед нами не менее сложную и многогранную проблему – контакта и обмена самых разных культур в Циркумпонтийской зоне, без чего её история попросту непредставима. Количество больших и малых этносов, на протяжении тысячелетий живших вокруг Чёрного моря, вступавших между собой в симбиоз и торговлю, то непримиримо враждовавших друг с другом, постепенно сменявших один другим, но, при этом, оставлявших собственный след в культуре и традициях, поистине огромно. Динамическая этно-историческая карта Причерноморья, если таковая когда-либо будет составлена, получится чрезвычайно пёстрой и сложной. Таким образом, культурный обмен является важнейшей константой истории Черноморского региона – наравне с его вовлечённостью во всемирную историю. И тогда этот феномен также нуждается в адекватном анализе с одновременным установлением роли в истории региона. Так выявляются пределы применения методологии Броделя – она здесь едва ли сможет помочь. Тогда можно и нужно обратиться к другим работам и именам исследователей. В разрешении указанной проблемы нам может пригодиться до настоящего времени малоизвестная в России концепция «культурного трансфера» французского учёного Мишеля Эспаня. Забегая вперёд, выскажемся, что этот подход представляется нам более перспективным, нежели столь популярная ныне компаративистика. Как известно, сравнение априори предполагает границы и фиксацию различий. Тогда как теория культурного трансфера базируется на качественно ином подходе: «...Желание говорить сразу о разных национальных пространствах, общих для них элементах культуры, не противопоставляя при этом размышления об одной культуре размышлениям о другой – с целью их столкнуть, сравнить или же просто сопоставить. Данный термин указывает на необходимость выделять формы смешения культур...»[11, с. 35] Таким образом, трансграничность выдвигается здесь на первое место. Следовательно, вся история может представать в существовании ином цвете. И если применительно к новейшей истории широкое использование данного подхода способно вызвать вполне понятное сопротивление значительной части интеллектуального сообщества (авторов и читателей) ввиду стремления подчеркнуть культурную и политическую идентичность своей страны (особенно в эпоху информационных войн и попыток навязать миру однополюсную глобализацию), то в отношении более древних эпох такого рода препятствий не предвидится, зато вероятные плоды могут оказаться очень богатыми. Поскольку необычайно богат исходный культурно-исторический капитал, слагавшийся в течение тысячелетий.

Аналогичные методологические поиски необходимо предпринимать и по отношению к другим граням истории Причерноморья – идёт ли речь о военно-исторической проблематике (ведь каждая война оставляла свой материальный и когнитивный след в регионе), изменении государственных границ и политического господства в том или ином субрегионе вокруг Чёрного моря, социально-исторической динамике или об исторической антропологии Черноморского региона. Мы не собираемся по каждой из отмеченных проблем предлагать какое-то готовое методологическое решение – иначе проблемная статья рискует превратиться в ущербный справочник исторических концепций. Мы лишь обозначаем проблему, решать которую можно совокупными усилиями и коллективным (во времени и пространстве) накопленным научным опытом.

Данная статья есть также попытка обозначить принцип комплексного историописания для конкретного и весьма значимого в масштабах Старого Света региона. Наконец, это и приглашение коллег к диалогу, возможной плодотворной дискуссии. Если переводить разговор в плоскость исследовательской конкретики, то для создания масштабного труда по истории Черноморского региона необходимо определиться с вариантом и масштабом предполагаемого исследования: будет ли это перфекционистский замах на реализацию проекта полной истории Причерноморья с Древности до начала XXI столетия либо команда исследователей пойдёт по прото-ренному пути Фернана Броделя, избрав в качестве центра кристаллизации какую-то значимую эпоху, вокруг которой и будет строиться всё дальнейшее повествование, с неременным приоритетом влияния среды и структур повседневности над быстротекущими политическими надстройками. Впрочем, можно попытаться предложить и третий путь, который бы совмещал в себе элементы двух предложенных вариантов: создание достаточно

объёмного труда «сквозного» характера, который был в хронологической последовательности освещал всю протяжённость истории Черноморского региона – но в виде ряда очерков, каждый из которых был бы посвящён значимой, бифуркационной точке/эпохе в истории Причерноморья. Очевидно, что в последнем случае работа приобретёт черты научно-популярного текста с меньшим удельным весом фундаментальности.

Разумеется, что осуществление такого рода масштабного проекта потребует координированных совместных усилий ряда достаточно большого количества учёных – не только из разных университетов и научных центров России, но и, с высокой долей вероятности – из других причерноморских стран. Что автоматически приведёт к повышению международной научной легитимности подобного проекта.

Возможно, кому-то наши идеи, рассуждения и предложения покажутся слишком амбициозными, неосуществимыми или даже несвоевременными в силу сложной политической обстановки в Причерноморском регионе, острых противоречий между некоторыми соседями по Черноморскому побережью (достаточно указать на российско-украинские противоречия). Однако, по нашему мнению, одна из социальных функций научного познания в том и заключается, чтобы через стремление к истинному знанию преодолевать те преходящие злостные моменты, которые детерминируют конфликты и разделение. Большие амбициозные проекты сами по себе формируют перспективные хронотопы и трансформируют реальность, делая возможным то, что в рамках текущей действительности кажется невозможным. Мы в настоящей публикации только предлагаем один из вариантов расширения горизонтов исторической науки, привлекая внимание коллег к проблеме и приглашая к сотрудничеству.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций. М.: Весь мир, 2014. 552 с.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм // Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс. 1986. 622 с.
3. Бродель Ф. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Т. 1,2,3. М.: Языки славянской культуры, 2002, 2003, 2004. – 496, 808, 640 с.
4. Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». №5/2019, №5/2020.
5. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. В 50 тт. Том 8. М.: Политиздат, 1957. 704 с.
6. О чём молчит лес // <https://poluostrov-krym.com/esse/gornymi-tropami/o-chem-molchit-les.html> Дата обращения 01.03.2021.
7. Причерноморье. История, политика, культура. МГУ им. М.В. Ломоносова, Севастополь // https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=62182 Дата обращения 12.04.2021.
8. Пружинин Б.И. Ratio serviens? Контуры культурно-исторической эпистемологии. М.: РОССПЭН, 2009. – 423 с.
9. Репина Е.В. Торговые отношения Боспорского царства в VI – 1-й трети III в. до н.э. // Причерноморье: история, политика, культура. №16/2015. С. 83-89.
10. Сапрыкин С.Ю. Древнее Причерноморье. СПб.: Издательство РХГА, 2018. – 743 с.
11. Эспань Мишель. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

© Куренкова Евгения Алексеевна (ea.kurenkova@mgou.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru),

Ларионов Алексей Эдиславович (allar71@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»